

Кадетский рецепт гражданского общества

Н.А. Масалова

Предметом нашего анализа является концепция гражданского общества в идеологии кадетской партии. Особенность такого подхода и актуальность подобного исследования в том, что рассматривается либеральный способ объяснения действий власти в условиях, когда государственная власть традиционно склонна к авторитаризму или, другими словами, в условиях «мнимого конституционализма».

Прежде чем рассматривать особенности российской концепции гражданского общества, необходимо обозначить позицию политической науки в отношении содержания классической концепции гражданского общества и ее развития.

Итак, каким образом можно описать основные принципы концепции гражданского общества?

1. Исходным моментом концепции гражданского общества является «стремление определить общество исходя из человека». В политической теории и практике это стремление, на наш взгляд, определило две проблемы. Во-первых, исходя из установки на приоритет личности, необходимо определить, что такое гражданское общество. Во-вторых, что касается сферы политического, то именно личность наряду с государством становится носителем суверенитета, а гражданское общество тем понятием, с помощью которого определяется «общая воля». Эта «общая воля» не должна быть противоположна воле личности как главного элемента

гражданского общества (хотя, безусловно, «общая воля» не сводима механически к воле всех). Наиболее логично и законченно этот тезис выражен в утилитаризме И. Бентама. Его формула «наибольшее счастье наибольшего количества людей» стала определяющим мотивом деятельности государства в концепции либерализма. Таким образом определялся статус государства в классическом либеральном учении. По словам Дьюи, И. Бентам создал также либеральный способ оценки действий власти – «обычаи, институты, законы, социальные устройства должны оцениваться исходя из тех последствий, которые они имеют для составляющих общество индивидов».

2. Проблема взаимоотношения гражданского общества и государства.

Этот вопрос становится центральным в случае, если речь идет не о правовой деятельности государства, а о политической практике государства. Поэтому, на наш взгляд, теоретическое исследование этого вопроса либеральными теоретиками представляет собой своеобразный ответ и запрос общества на то, какие действия государственной власти будут считаться правомерными. Естественно, в таком рассуждении есть некоторое логическое несоответствие – мнение ученого или даже целой научной школы нельзя отождествлять с волей общества, но этого и не происходит. Любая политическая теоретическая позиция, высказанная публично – это своеобразный канал воздействия на власть, то есть это запрос власти к обществу тоже. Любая реакция

государства и общества на этот «запрос» есть уже выражение намерения, говорящее о том, чья воля – государства, общества, политической элиты, класса и т.д., – будет трактоваться как политически значимая при решении задач государственного характера, и к какому методу коллективного разума или произвола склоняется общество или государство.

Если вспомнить, что концепция гражданского общества – это система аргументов, подчиненная определенной политической цели, то можно сказать, что в начале XX в. из концепции гражданского общества появилась еще одна определяющая задача – не только защита от произвола государства, но и обеспечение единства государства и общества с целью избежать неприемлемого обострения социального конфликта в самом гражданском обществе.

В центре концепции гражданского общества в связи с ее модернизацией оказался вопрос о новой модели взаимоотношения гражданского общества и государства. Теперь государство стало рассматриваться не только как институт, функции и деятельность которого ограничены общественным договором. Государство теперь более свободно в реализации своей воли, если его действия соответствуют представлениям общества о естественности и цивилизованности.

Классическая либеральная концепция исходит из идеи негативной свободы и механизм реализации этой свободы был вполне теоретически разработан в теории разделения властей Дж. Локка, в теориях Б. Констана и И. Бенгема с их идеей конституционного закрепления гражданской свободы.

В начале XX в. утверждающаяся идея позитивной свободы требовала другого механизма реализации, другой трактовки общественного договора. Причем изменения требовал как правовой, так и политический аспект концепции взаимоотношений гражданского

общества и государства. Это стало приоритетной теоретической проблемой либерализма, в том числе и российского. Либерализм же как общественно-политическое движение в России столкнулся с необходимостью модернизации страны, особо следует отметить, что речь идет о модернизации самодержавной монархии. Таким образом, на наш взгляд, политическая задача российских либералов в сфере публичной политики оказалась уже, чем та, которую ставил перед собой либерализм в сфере политической науки.

Именно это, возможно, является причиной историографической традиции в исторической и политической науке, согласно которой либерализм, в том числе и концепция гражданского общества, разработанная кадетскими либералами, оказался невостребованным российским обществом, как сила, неспособная справиться с задачей модернизации страны.

Проблемы проведения реформ в государстве также являются частью концепции гражданского общества, так как подобные концепции всегда рассматривают вопрос об общественном развитии и роли гражданского общества и государства в этом процессе.

Понятно, что одной воли гражданского общества недостаточно для смены политического режима или для кардинального реформирования государства. Что касается процесса смены власти, то его очень трудно объяснить с точки зрения идеалов гражданского общества. Т. Гоббс, например, полагал, что ситуация, которая влечет за собой смену правителя волей народа возможна, только если монарх нарушает общественный договор и, кроме того, это не является незаконным, так как означает возврат в естественное состояние.

Исходя из этого, гражданское состояние как бы не распространяется на ситуации, в которых происходит прямое проявление суверенитета народа.

Революция находится за пределами системы ценностей и средств гражданского общества. Отсюда возникает вопрос: каким же образом возможно проявление воли гражданского общества? Это тем более важно, что сама концепция исходит из принципа суверенитета народа.

С точки зрения теории либерализма, государство может оказывать на гражданское общество такое воздействие, которое делает отношения между гражданами более цивилизованными и само управление соответственно тоже. Все это в пределах общественного договора. Постепенно в политической и правовой науке утверждается идея правового государства. В этом государстве право есть главный механизм урегулирования отношений между обществом и государством. Идея естественных прав личности надежно защищала и защищает до сих пор интересы граждан от произвола государства.

Однако данное объяснение не исчерпывает проблему проявления воли гражданского общества. Ведь общую волю и интересы граждан нельзя свести только к потребности защиты естественных прав. В политической науке не существует универсального ответа на вопрос о выявлении воли гражданского общества. Вернее говоря, ответов много. Таким ответом можно считать и теорию заинтересованности групп и предпринятую любым автором попытку построить концепцию гражданского общества, так как в ее рамках ставится вопрос о том, что такое гражданское общество, как оно функционирует, и в чем его роль в сфере публичной политики.

Представители кадетского либерализма также рассматривали эту проблему, в большей степени, на наш взгляд, П.Н. Милюков и П.И. Новгородцев.

В очередной раз нельзя не вспомнить о том, что кадетские либералы жили и работали в условиях авторитарного режима и их взгляд на

проблему значения действий гражданского общества, наверное, можно считать способом объяснения действий авторитарного государства или методом критики этих действий с точки зрения либерализма начала XX в.

Действия и теории российских либералов, а особенно деятелей кадетской партии, традиционно считаются западными, то есть нероссийскими, заимствованными. Исследование этих действий и теорий, на наш взгляд, можно считать важным, так как они являются одним из факторов национального развития Российского государства.

В современной российской политической науке ученые уже не ограничиваются простой констатацией этого факта и его оценкой. Например, А.Н. Медушевский, исследуя конституционный процесс нового времени, повлиял на модель механизма власти, зафиксированную в Конституциях Германии, России начала XX в. и ставит задачу выявить специфику мнимого конституционализма как явления мировой политической культуры переходного периода.

Таким образом, в соответствии с позицией современной политической науки, исследование концепции гражданского общества кадетского либерализма вполне возможно по следующим направлениям:

1. Определение личности в теориях кадетских либералов и соответствующая этому трактовка государственного и общественного устройства. В рамках этой сюжетной линии можно поставить следующую задачу – проанализировать подход представителей кадетского либерализма к проблеме статуса государства в обществе, и попытаться выделить их основной способ оценки действий власти.

2. Проблема вмешательства государства в сферу гражданского общества и ее эволюция в теориях представителей нового либерализма. Российский новый либерализм

рассматривал этот вопрос в рамках проблемы соотношения нравственности и права в действиях государства. Рассмотрение этой проблемы позволит понять каково отношение теоретиков кадетского либерализма к процессу реформирования государства.

3. Проблема выявления воли и

интересов гражданского общества и определение его роли в политическом процессе. Исследование данного вопроса, на наш взгляд, даст возможность выявления того, каким, по мнению кадетских либералов, должен быть ожидаемый и состоятельный способ действия государственной власти.

Продолжение – в следующем выпуске ►

Томография радикализма

О.Ф. Русакова

Политический радикализм (от лат. radicalis - коренной) в самом общем плане можно определить как идеологическую, духовно-психологическую и практическую ориентацию социальных субъектов на коренное и решительное преобразование общественной жизни.

Как идеология политический радикализм выступает в форме определенной системы взглядов (идеалы, императивы, принципы, теории, концепции, программные установки и положения), характеризующихся резко критическим отношением к действительности вплоть до ее полного неприятия (нигилизм) и ориентации на принципиально иной тип и способ общественного жизнеустройства.

В духовно-психологическом плане политический радикализм представляет собой ментальность (образ мысли, мировосприятие, мироощущение) особого рода, для которой характерны: инверсионность (резкий переход от одних настроений и чувствований к другим, часто совершенно противоположным); импульсивность; высокое духовное напряжение, связанное с концентрацией всех мыслей

и чувств на идейной доминанте, что проявляется в форме фанатизма, догматизма; нетерпеливость, желание ускорить ход времени, преодолеть одним махом преграды на пути к вожаемой цели.

Психологический спектр политического радикализма очень широк – от социального скептицизма и пессимизма до бурного преобразовательного активизма, готовности к штурму существующих социальных институтов и сложившегося миропорядка. Поэтому в рядах радикалов оказываются как апокалиптики – крайние алармисты, устрашающие концом света и адскими карами за всевозможные грехи общества, так и пассионарии – социальные оптимисты, «штурманы неба», воодушевленные идеей светлого будущего, направляющие всю свою волю и энергию на осуществление грандиозных планов.

В практическом плане политический радикализм проявляется в разных формах и способах политического поведения в зависимости от того, обладают ли его субъекты реальными рычагами политической власти. В этой связи можно говорить о двух типах радикально-политических практик: